

УДК 316.346.32-053.6(571.150)+314.727(571.150)

ББК 60.542.15+60.546.2

М 576

Рецензенты: д.с.н. А.Я. Троцковский, ИЭОПП СО РАН; д.с.н. С.Г. Максимова, АлтГУ

М 576 Миграция сельской молодежи: в фокусе – Алтайский край [Текст] : коллективная монография / А.М. Сергиенко, О.Н. Колесникова, Ю.А. Перекаренко, Л.В. Родионова, О.А. Снегирева, Е.В. Тарасова ; под общ. ред. д.с.н. А.М. Сергиенко. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. – 325 с.
ISBN 978-5-7904-2336-9

Коллективная монография подготовлена в рамках исследования по проекту «Миграция сельской молодежи в Алтайском крае: анализ динамики и механизмов сокращения на основе комплексного измерения социального положения и активности» при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края, проект № 17-13-22007-ОГН (2017–2018 гг.).

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Алтайского края в рамках НИР №17-13-22007-ОГН\18.

В монографии изложены методологические основы и результаты исследования миграции сельской молодежи Алтайского края с использованием триангуляции современных методов сбора и анализа данных (количественных и качественных опросных методов, математико-статистического анализа и др.). Представлены результаты анализа демографических и миграционных процессов в Алтайском крае с начала 1990-х годов, выявлены территориальные очаги напряженности. Описаны изменения в социально-экономическом развитии сельских территорий с начала 2000-х годов. Выявлены особенности динамики реальной и потенциальной миграции сельской молодежи, ее социального положения и активности. Рассмотрены образование, занятость и другие драйверы миграции и реэмиграции сельской молодежи. Дана оценка государственной политики, а также практик социальной поддержки молодежи в сельских сообществах с позиции их влияния на миграцию. Представлены предложения по совершенствованию государственной политики в области улучшения социального положения сельской молодежи и сокращения ее миграции из региона.

Монография представляет интерес для специалистов, работающих в области регионального и сельского муниципального управления, ученых, преподавателей, аспирантов и студентов, представителей сельского бизнеса и общественных организаций, а также всех тех, кому небезразлична судьба сельских сообществ Алтайского края и страны в целом.

УДК 316.346.32-053.6(571.150)+314.727(571.150)

ББК 60.542.15+60.546.2

ISBN 978-5-7904-2336-9

© Коллектив авторов, 2019 г.

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2019 г.

Глава 11. ОЦЕНКА МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

11.1. Материальное положение сельской молодежи и их семей

Годы реформ, как отмечает И. Попова, привели к резкому обеднению населения, что в большей степени сказалось на селянах и связано с различиями в развитии рынка труда в городе и на селе. Свой вывод автор подтверждает результатами исследования в Костромской области, где даже в 2011 г. соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в сельском хозяйстве со средним уровнем по области составило 74,3%¹. По данным исследований З. Калугиной, заработная плата работников сельского хозяйства в том же 2011 г. оставалась ниже минимального прожиточного бюджета и составляла примерно 45% от средней заработной платы по всей экономике².

Отметим, что сельская экономика, в первую очередь, сельское хозяйство, традиционно отличались более низкой производительностью труда, что привело к формированию более низкого уровня его оплаты, в том числе и в Алтайском крае. Вместе с тем разница по оплате труда в сельском хозяйстве и в среднем по экономике Алтайского края заметно сократилась с начала 2000-х гг. Если в 2000 г. размер заработной платы в отрасли составлял 55,7% от среднего по краю, то в 2017 г. – уже 77,3% (20,0 против 24,5 тыс. руб.). Такие благоприятные процессы связаны не только с изменением макроэкономических условий развития страны, но с целенаправленным влиянием государственной политики.

Как следствие, сократился и разрыв среднего размера оплаты труда на селе с аналогичным показателем по городам региона. В 2017 г. средний размер оплаты труда в сельской местности Алтайского края составил 19,8 тыс. руб.,

¹ Попова И.И. Сельский социум: мироощущение сельского жителя // Российское село в условиях глобальных вызовов: колл. монография / под общ. ред. В.И. Старовойтова. – Уфа: БАГСУ, 2014. – С. 130-131.

² Калугина З.И. Социальные риски воспроизводства человеческого потенциала в Сибири // Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – С. 59.

или 77,5% от соответствующего показателя в городах (в 2000 г. – 0,9 тыс. руб., или 66,0%). По данным выборочного обследования организаций, проведенного Росстатом в октябре 2009 г., средняя начисленная заработная плата молодежи в крае (16,5% в общей численности работников) составляла 97,2% от средней заработной платы работников более старшего трудоспособного возраста.

По результатам исследований Г. Солодовой и И. Харченко, в начале 2000-х гг. наблюдалась выраженная зависимость отношения к богатству от места проживания выпускников – сельские подростки в большей степени сохранили ориентации прежней социальной системы, что свидетельствует о поведенческой и ментальной устойчивости крестьянства и более реалистичной оценке практических возможностей достижения высокого уровня достатка¹. Выводы ученых подтверждаются и нашими исследованиями в Алтайском крае.

Из интервью с работником птичника из п. Новые Зори Павловского района (2015 г.): *«К жене приезжают подруги из города – то «айфонами», то сапогами за две моих зарплаты хвастаются, не понимаю я их. К чему эта «пыль в глаза», если все куплено в кредит? Я лучше окно в кухне на пластиковое поменяю или еще поросянку куплю».*

Динамика материального положения семей. Согласно данным социологических опросов 2002, 2008 и 2016 гг., несмотря на общее улучшение материального положения сельской молодежи Алтайского края с начала 2000-х гг., в последние годы оно заметно ухудшилось, что может объясняться влиянием структурных кризисных явлений в экономике в 2014-2016 гг. (рис. 11.1). В 2011 г. в сравнении с более старшими селянами сельская молодежь края более позитивно оценивала свое материальное положение и его динамику что связано, преимущественно, с более благоприятным социальным самочувствием молодежи.

¹ Солодова Г.С., Харченко И.И. Формирование экономического сознания выпускников общеобразовательной школы // Социологические исследования. – 2001. – № 9. – С. 92.

Из интервью с экспертом, руководителем регионального органа исполнительной власти (2011 г.): *«Риск бедности связан не столько с возрастом селян, сколько с сознанием своей бедности. Молодой человек, скорее всего, бедным себя не осознает, хотя объективно может быть и беден, потому что у него еще есть перспективы самореализации».*

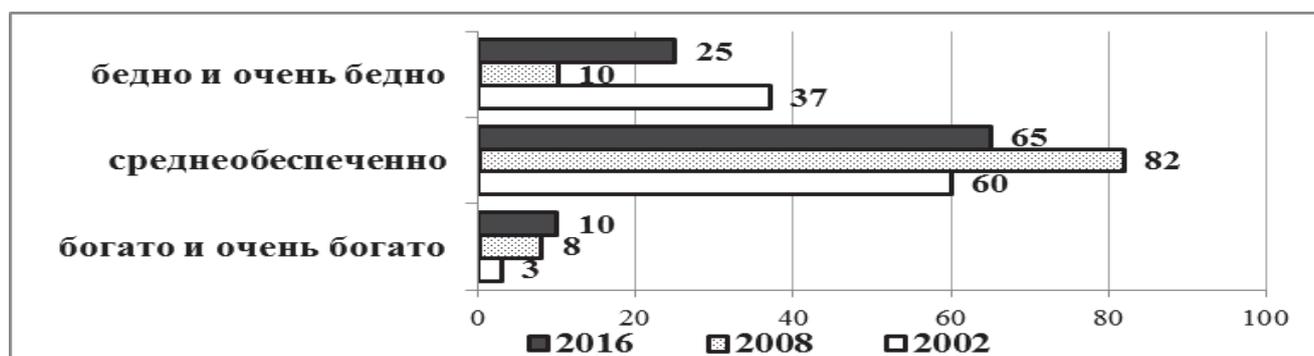

Рис. 11.1. Изменение материального положения сельской молодежи Алтайского края, % (по данным опросов 2002, 2008 и 2016 гг.)

В 2016 г. в сравнении с 2008 г. в 2,5 раза вырос удельный вес бедных молодых селян (*«денег иногда не хватает даже на питание»*) и, соответственно, более чем на четверть снизилась доля среднеобеспеченных (*«на питание, недорогую одежду и оплату коммунальных услуг денег хватает, но на покупку дорогостоящих вещей приходится долго копить»*). В 2016 г. почти каждый третий представитель сельской молодежи Алтайского края (34,9%) заявил об ухудшении своего материального положения в последние 2-3 года, и лишь менее восьмой части опрошенных молодых селян отметили, что оно несколько улучшилось.

Из интервью с жительницей с. Стуково Павловского района, находящейся в декретном отпуске (2015 г.): *«Я сейчас в декрете, что заметно отразилось на доходах нашей семьи. Основной добытчик теперь мой муж. Впереди зима, и перед нами остро встала проблема покупки зимних вещей для меня и ребенка. Если родители не помогут, даже и не знаю, что делать».*

В целом за последнее десятилетие, по данным опросов (2008 и 2016 гг.), резко снизился *уровень удовлетворенности* сельской молодежи Алтайского края своим *материальным положением* – в 9 раз, или на 18 п.п., до 2%¹. По данным опроса 2016 г., в *рейтинге условий, необходимых для улучшения своего материального положения*, на первом месте оказалось повышение размера оплаты труда (54% опрошенных), на втором – уверенность в собственном будущем (42%), на третьем – наличие подходящего по специальности и уровню образования места работы (34%). Образование и опыт рассматривались как факторы роста уровня благосостояния почти каждым четвертым молодым селянином (26%), а практически каждый десятый опрошенный в качестве такого фактора назвал личную инициативу (13%).

Результаты опроса 2017 г. свидетельствуют о заметном улучшении материального положения сельской молодежи в сравнении с данными опроса 2016 г. Так, в 2017 г. каждый десятый представитель сельской молодежи оценил свое материальное положение как бедное (*на скромное питание, оплату коммунальных услуг денег хватает, а на приобретение одежды и других вещей – нет*) и очень бедное (*денег иногда не хватает даже на питание*), причем в последнюю группу вошло только 2% опрошенных. Среднее материальное положение (*на питание, недорогую одежду и оплату коммунальных услуг денег хватает, но на покупку дорогостоящих вещей приходится долго копить*) было у подавляющего большинства молодых селян (79%). Доля обеспеченных и зажиточных (*есть денежные накопления и возможность покупать практически все необходимое для жизни*) составила около 11%, а относительно богатых (*не отказываю себе ни в чем, денежные накопления постоянно прирастают*) – менее 1%. За предшествующие опросу 2-3 кризисных года заметно больше оказалось тех, чье материальное положение улучшилось, в сравнении с теми, чье положение ухудшилось: 27% против 18%. Материальное положение почти по-

¹ Рассчитан как сумма положительных оценок на вопрос «Насколько Вы удовлетворены...».

ловины опрошенных представителей сельской молодежи (46%) не изменилось (9% затруднились с ответом).

Доходы и структура сельской молодежи по их источникам. Для оценки социального положения сельской молодежи особое значение имеет ее структура по источникам получаемых доходов и средств к существованию, поскольку является результирующей процессов формирования уровня благосостояния группы, отражает количество источников доходов различными представителями группы, соотношение удельных весов лиц, получающих доходы от основной работы, дополнительных заработков и проч.

Анализ изменения *структуры сельской молодежи Алтайского края по источникам получаемых доходов* с начала 2000-х гг. (по данным социологических опросов 2002, 2008 и 2016 гг.) показал, что при сохранении высокого удельного веса получателей заработной платы по месту работы (почти три четверти опрошенных в начале и конце рассматриваемого периода) заметно снизилась распространенность доходов от личных подсобных хозяйств (на 22 п.п. или 33,8%). С другой стороны, существенно увеличилась доля получателей займов и кредитов (на 80 п.п.), помощи родственников и друзей (на 30 п.п.), различных социальных пособий (на 16 п.п.) – рис. 11.2. Мы разделяем мнение Е. Колосовой, полагающей, что сельская молодежь зачастую рассчитывает на помощь родных и близких, поскольку село традиционно отличается более близкими родственными отношениями¹.

Полагаем, что ухудшение материального положения сельской молодежи Алтайского края в кризисный 2016 г. подталкивало молодых людей к поиску дополнительных источников средств к существованию, о чем свидетельствует, по данным опросов 2008 и 2016 гг., заметный рост распространенности получения займов и кредитов (на 64 п.п. с 2008 г.), дополнительных заработков (на 14 п.п.), помощи родственников и друзей (на 19 п.п.), а также расширение ЛПХ (на 6 п.п.) – рис. 11.2. Также, согласно данным переписи 2015 г., сельская

¹ Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. – С. 235.

молодежь региона в сравнении с молодыми горожанами отличалась большей долей лиц с двумя и более источниками доходов – 29,8% (среди молодых горожан – 22,3%).

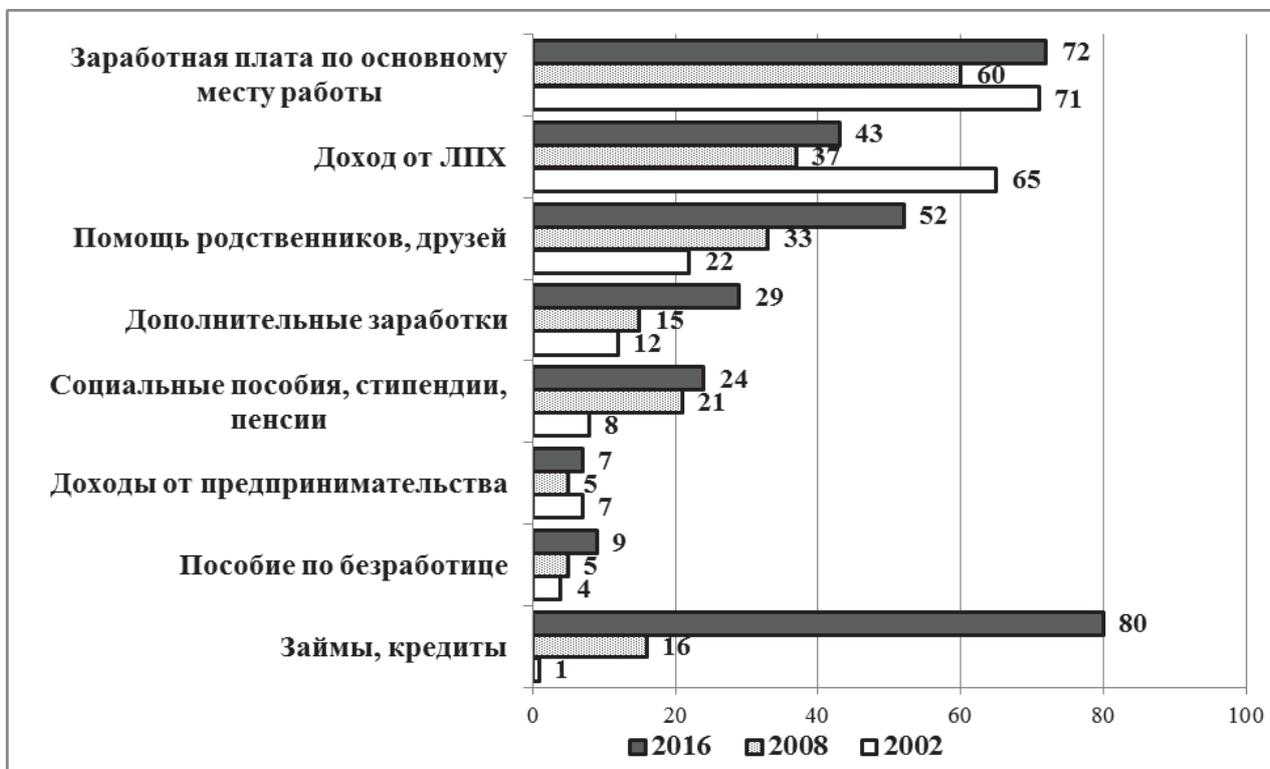

Рис. 11.2. Источники доходов и средств к существованию сельской молодежи Алтайского края, % опрошенных (по данным опросов 2002, 2008 и 2016 гг.)

По опросу 2017 г., около половины сельской молодежи (47%) получали заработную плату по основному месту работы, что заметно меньше, чем в предшествующие годы; дополнительные заработки имели 15% респондентов. Доход от семейного подворья получали только 12% сельской молодежи, что намного меньше, чем было зафиксировано нами в более ранних обследованиях. Менее 3% молодых селян имели доходы от предпринимательской деятельности, фермерский доход, а доходы от собственности – менее 1%. Каждый пятый получал какие-либо социальные трансферты (пенсии, социальные пособия, стипендии) и менее 2% – пособие по безработице. Более трети представителей

сельской молодежи (37%) находились на иждивении родителей или других родственников, близких. Кроме того, 13% опрошенных получали помощь родственников, друзей. Займы, кредиты имели уже только 9% респондентов.

Результаты социологических опросов о тенденциях изменения структуры источников дохода и средств к существованию сельской молодежи Алтайского края подтверждаются и официальными статистическими данными (рис. 11.3). По данным переписей населения 2002 и 2010 гг. и микропереписи 2015 г., наиболее существенными изменениями структуры сельской молодежи Алтайского края по *основному источнику получаемых доходов*¹ с начала 2000-х гг. стали рост удельных весов получателей заработной платы (на 11,5 до 49,4%) и помощи других лиц (на 11,2 до 29,7%), а также снижение распространенности получения доходов от ведения ЛПХ (почти впятеро до 3,9%), что отчасти свидетельствует о падении привлекательности сельского образа жизни.

В сравнении с более старшими селянами трудоспособного возраста изменение структуры сельской молодежи Алтайского края по основному источнику доходов с начала 2000-х гг. было менее значительным. В частности, речь идет и о таком положительном сдвиге, как рост удельного веса в данной структуре доходов от трудовой деятельности. По отношению к молодым горожанам рассматриваемые сдвиги в положении сельской молодежи также в целом оказались менее выраженными (кроме доходов от ЛПХ), но имели более отрицательный характер за счет роста зависимости от государственных социальных пособий и сторонней помощи. Как следствие, данные изменения способствовали сохранению соответствующей социальной дистанции между сельской и городской молодежью в регионе.

¹ Данные переписей 2002 и 2010 гг. представлены в разрезе возрастной группы 16-29 лет лишь по основному источнику доходов. При этом общая структура источников средств к существованию в разрезе данной возрастной группы не представлена, что не позволяет провести сравнительный анализ с данными микропереписи 2015 г.

Рис. 11.3. Источники основных доходов, % сельской молодежи Алтайского края (по данным переписи 2002 и 2010 гг.)

На фоне СФО сельская молодежь Алтайского края в исследуемый период отличалась более благоприятной структурой по основному источнику получаемых доходов (в частности, меньшими долями лиц, существующих на пенсии по инвалидности, доходы от помощи сторонних лиц и проч.), однако по большинству ее показателей уступала соответствующей территориально-демографической группе населения РФ в целом.

Особо отметим, что несмотря на уже обозначенное ранее существенное снижение роли личных подворий в качестве основного источника средств к существованию молодых селян в регионе, их роль как дополнительного источника доходов к концу исследуемого периода все же сохранилась (23,5% по данным переписи 2015 г.). Роль ЛПХ в жизни сельской молодежи края можно проиллюстрировать на примере молодой семьи из с. Сычевка Смоленского района¹. Причиной обзаведения семьей ЛПХ стала острая нехватка денежных средств. Молодые люди завели хозяйство, полученную продукцию продавали

¹ По материалам статьи «Личное подворье – кошельку подспорье» в газете «Алтайская нива» № 37 (551) 26 сентября-2 октября 2013 г.

на сельскохозяйственном рынке в райцентре, затем получили субсидию на ведение ЛПХ, купили теплицы для выращивания рассады цветов и овощей. По словам супругов, для рентабельного ведения хозяйства им не хватает трактора, наличие которого смогло бы решить множество проблем.

Из интервью с работником Черемновского лесничества из п. Комсомольский Павловского района (2015 г.): *«Подсобное хозяйство есть: быков держим и свиней. Тяжело их содержать, ведь еще и огород летом, но это единственный выход потом получить более-менее крупную сумму денег без всяких бешеных процентов. Хотя к зиме стараемся всех заколоть».*

По мнению исследователя Е. Колосовой, личные подсобные хозяйства являются важным источником дохода сельской молодежи, поскольку позволяют экономить средства на продовольствии, используя продукты собственного производства¹.

Жилищные условия как фактор формирования миграционных установок молодых селян. По данным опроса 2016 г., жилищные условия сохранили свою значимость в качестве фактора формирования миграционных установок молодых селян. Так, наличие собственного жилья и отсутствие крайней необходимости в улучшении жилищных условий имели прямую взаимосвязь с установкой на оседлость молодых селян².

Из интервью со студенткой медицинского колледжа, жительницей с. Стуково Павловского района (2015 г.): *«Если бы после получения диплома я бы нашла работу с жильем, то наверняка осталась бы в городе. Но найти такую работу очень непросто. Поэтому придется жить в деревне с родителями, а на работу ездить каждый день по 40 км до города и обратно».*

¹ Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тошенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. – С. 233.

² k Крамера = 0,201 и 0,143 при уровне значимости p=0,001 соответственно.

Как уже было обозначено нами ранее, с начала 2000-х гг. в Алтайском крае не произошло существенного сокращения различий между сельскими и городскими жителями по уровню развития микросоциальной среды их жизнедеятельности. В частности, это касается и качества сельского и городского жилищного фондов. Так, к середине 2010-х гг. наибольшие различия в указанном контексте сохранились по оборудованности жилья ваннами и горячим водоснабжением – более чем втрое (23,0 и 76,0%; 22,3 и 77,3% соответственно), а также напольными электроплитами – почти вшестеро (8,7 и 51,0%)¹.

В целом изменение жилищных условий сельской молодежи Алтайского края в последнее десятилетие, по данным опросов 2008, 2011 и 2016 гг., характеризовалось (как и в случаях со многими другими характеристиками ее положения) сочетанием разнонаправленных процессов. В указанный период существенно не изменилась *структура* молодых селян региона *по обеспеченности жильем*: треть молодых селян имела собственное жилье (дом или квартиру), почти каждый второй опрошенный проживал совместно с родителями или другими родственниками (рис. 11.4).

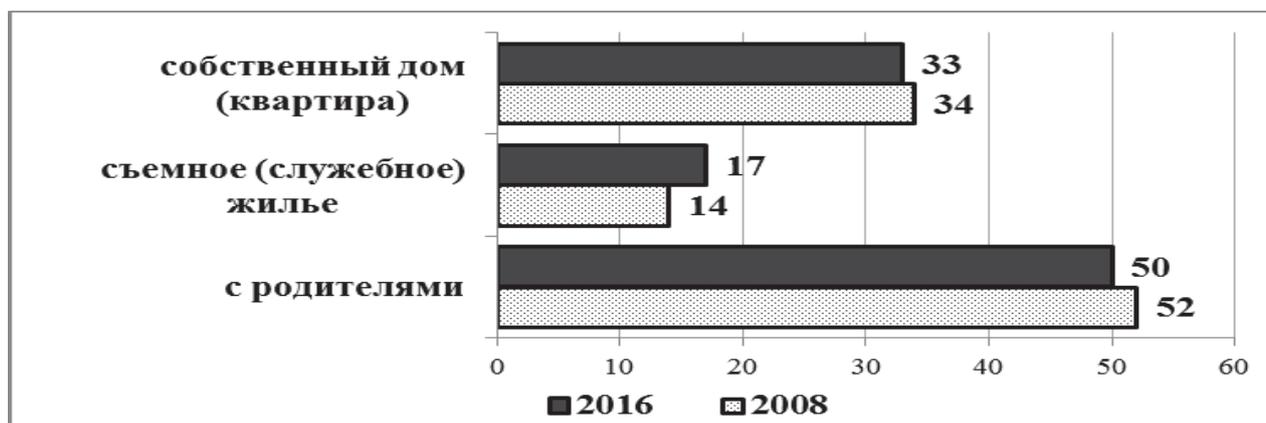

Рис. 11.4. Изменение жилищных условий сельской молодежи Алтайского края, % (по данным опросов 2008 и 2016 гг.)

¹ По оборудованности горячим водоснабжением и напольными электроплитами различия сократились – с 9,8 до 3,5 раза и с 8,1 до 5,9 раза соответственно.

К положительным сдвигам в жилищных условиях сельской молодежи Алтайского края относятся, по данным опросов 2011 и 2016 гг., во-первых, качественное их улучшение, о чем свидетельствует снижение остроты многих жилищных проблем молодых селян и уменьшение их удельных весов в одноименном рейтинге, в особенности необходимости неотложного или экстренного ремонта жилья; во-вторых, заметное снижение удельного веса молодежи, признавшей себя остро нуждающейся в улучшении жилищных условий (почти вдвое до 22%) – рис. 11.5. Однако выделенные позитивные сдвиги в положении молодых селян региона сопровождались также ростом актуальности проблемы проживания в крайне стесненных условиях (в 1,2 раза до 27%). Кроме того, актуальность прочих проблем качества жилья для сельской молодежи региона, несмотря на ее снижение, осталась на достаточно высоком уровне. Например, почти треть сельской молодежи края проживала, по опросу 2016 г., в условиях отсутствия или нехватки необходимых коммунальных удобств (рис. 11.5).

Рис. 11.5. Актуальные жилищные проблемы сельской молодежи Алтайского края, % (по данным опросов 2011 и 2016 гг.)

Таким образом, несмотря на видимые положительные сдвиги в жилищных условиях сельской молодежи Алтайского края, сохранившаяся актуальность многих проблем качества жилья в последнее десятилетие привела к *сни-*

жению уровня удовлетворенности¹ молодых селян своими жилищными условиями (почти на треть до 28% в 2016 г.).

По опросу 2017 г. среди сельской молодежи 42% жили в собственном доме (квартире), 39% – с родителями, родственниками в их доме (квартире), 3% – в служебном доме (квартире), общежитии и 15% снимали жилье. Не имели своего жилья на момент опроса 0,2% опрошенных (8% затруднились ответить). Большинство респондентов (55%) отметили, что жилищных проблем у них нет. Среди основных жилищных проблем сельской молодежью выделены следующие:

- «*семья живет в тесноте*» (11%), проживание с родственниками или соседями в одном доме (квартире) (6%);
- отсутствие или нехватка коммунальных удобств (11%), частые перебои с подачей холодной, горячей воды, тепла (5%), жилье холодное, сырое (4%);
- жилье требует неотложного ремонта, в том числе капитального (11%).

* * *

Итак, анализ динамики материального положения сельской молодежи показал, что в целом с начала 2000-х гг. наблюдается улучшение большинства показателей, хотя, безусловно, кризисные годы отразились на ухудшении материального положения, росла бедность. Так, после ухудшения материального положения в кризисные 2014-2016 гг., когда около трети сельской молодежи отнесли себя к категории бедных и очень бедных, уже в 2017 г. только десятая часть молодых селян считали себя таковыми, как и летом 2008 г., накануне заметного воздействия глобального экономического кризиса.

Существенно трансформировалась структура сельской молодежи по источникам доходов и средств существования. Кардинально сократилась доля молодых селян, получающих доходы от ЛПХ как основные (с 19% до менее 4% по данным переписей 2002 и 2015 гг.), что свидетельствует о потере интереса

¹ Рассчитан как сумма положительных оценок на вопрос «Насколько Вы удовлетворены...».

молодежи к традиционным видам хозяйственной деятельности в сельской местности. По опросу 2017 г. только каждый восьмой получал доходы от ЛПХ. Но значительно вырос удельный вес тех, кто получает разные виды выплат (более четверти). В сравнении с началом 2000-х гг. увеличилась закредитованность старшей группы сельской молодежи.

Актуальной остается проблема обеспеченности и качества жилья для сельской молодежи, снизилась ее удовлетворенность жилищными условиями. Как следствие, возросла роль данной проблемы как фактора ее миграционного оттока. Менее половины сельской молодежи обеспечена своим жильем, почти в половине случаев молодые селяне говорят о тесноте проживания, отсутствии коммунальных удобств, низком качестве жилья (его ветхости, необходимости капитального ремонта и др.).

11.2. Изменение социального самочувствия сельской молодежи

Результирующими показателями социально-экономических изменений на селе являются сдвиги в социальном настроении и самочувствии сельских жителей. Ухудшение социального самочувствия людей, как известно, является одним из индикаторов роста миграционных настроений и реального миграционного поведения. Вместе с тем у различных социальных групп с разными социально-демографическими характеристиками влияние социального самочувствия на миграцию проявляется по-разному. Различное воздействие на вектор и силу влияния социального самочувствия и градуса его изменения на миграцию оказывают характеристики социально-экономического положения, социально-культурная среда сообществ, состояние базовых институтов общества и др. При этом объектом внимания органов власти должен являться низкий градус социального самочувствия социальной группы населения, независимо от его воздействия на миграцию. Группы, имеющие относительно низкие параметры социального самочувствия в сравнении с остальными или с падающими его значениями, требуют специальных мер государственной политики. Высо-

кую востребованность в связи с этим имеют исследования социального самочувствия сельской молодежи как важнейшего социального ресурса воспроизводства и инновационного развития сельских сообществ.

О содержании и структуре социального самочувствия молодежи. Социальное самочувствие является фундаментом оценки более широкого понятия – социального настроения¹, вместе с тем первое является самостоятельным объектом исследования динамики характеристик отдельных групп, сложным и многомерным в интерпретации и измерении. Так, исследователи в своих работах рассматривают социальное самочувствие как «эмоциональный аспект оценки представителями социальной группы своего общественного положения, уровня удовлетворения социально-экономических и духовных потребностей, интересов»², как «интегральную характеристику реализации жизненной стратегии личности, отношения к окружающей действительности, субъективных ее сторон», как «синдром сознания, отражающий соотношение между уровнем притязаний и степенью удовлетворения потребностей субъекта»³. Л.П. Галич определяет социальное самочувствие как «эмерджентный (новоявленный) уровень индивидуального и общественного сознания, формирующийся в процессе восприятия и оценок состояния социума и собственной жизни с точки зрения настроения и самочувствия, удовлетворенности жизнью и материального бла-

¹ Галич Л.П. Социальное самочувствие молодежи. – Минск: Право и экономика, 2012. – 160 с.; Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т.В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник алтайской науки. – 2014. – №1. – С. 115-120; Колесникова О.Н. Социальное самочувствие, благополучие и безопасность человека: основные элементы взаимодействия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей / под ред. О.Н. Колесниковой. – Вып. 6. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. – С. 20-26; Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 50-55; Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. – М., 1996. – 195 с.; Шавель С.А., Галич Л.П. Социальное самочувствие населения Беларуси и России: компаративный социологический анализ // Социология. – 2012. – № 1. – С. 76-95.

² Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т.В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник алтайской науки. – 2014. – №1. – С. 115-120; Колесникова О.Н. Социальное самочувствие, благополучие и безопасность человека: основные элементы взаимодействия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей / под ред. О.Н. Колесниковой. – Вып. 6. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. – С. 20-26.

³ Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 50-55.

гополучия, терпимости и оптимизма, что обуславливает активность его носителей, побуждая к целенаправленным формам социального действия»¹. Л.П. Галич справедливо подчеркивает, что социальное самочувствие как интегральный социопсихологический феномен «является результатом синтеза представлений и знаний о текущих событиях с прогнозом вероятности их изменения в ту или иную сторону (улучшения-ухудшения) и оценкой адаптационных и креативных возможностей субъекта в изменяющихся условиях»².

Специфика социологического подхода к исследованию социального самочувствия проявляется, во-первых, в представлении об относительной устойчивости эмоционально-психологической реакции индивида или социальной группы на условия жизнедеятельности (в этом случае учитывается уровень активности субъекта, его самореализация и самоутверждение, характер его включенности в социальные процессы) и, во-вторых, в применении интегральной характеристики взаимосвязи степени удовлетворенности различными аспектами жизнедеятельности и оценки социальным субъектом своих возможностей³. Социальное самочувствие формируется в процессе социального сравнения, сопоставления социального вознаграждения, возможностей для удовлетворения своих потребностей, реализации интересов различных групп и является показателем состояния социального здоровья общества, степени реализации принципа социальной справедливости⁴. Ш.Ч. Соян и Р.М. Севек обращают внимание на то, что при оценке своего социального самочувствия, являющегося обобщенным индикатором реакции людей на социальные преобразования, люди обычно ориентируются не на ситуативные эмоциональные состояния, вызван-

¹ Галич Л.П. Социальное самочувствие молодежи. – Минск: Право и экономика, 2012. – С. 43.

² Там же. С. 143-144.

³ Шавель С.А., Галич Л.П. Социальное самочувствие населения Беларуси и России: компаративный социологический анализ // Социология. – 2012. – № 1. – С. 76-95.

⁴ Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т.В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник алтайской науки. – 2014. – №1. – С. 115-120; Колесникова О.Н. Социальное самочувствие, благополучие и безопасность человека: основные элементы взаимодействия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей / под ред. О.Н. Колесниковой. – Вып. 6. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. – С. 20-26.

ные всплесками и падениями общественных настроений, а на самооценку уровня благополучия в реализации основных социальных потребностей¹.

Исследователи социального самочувствия молодежи выделяют различные критерии и индикаторы его оценки. Так, для характеристики социального самочувствия российского студенчества Р.В. Карамельский использует в качестве его критериев удовлетворенность условиями жизни (учебой, работой, материальным положением), социально-психологический комфорт (самооценка удовлетворения потребностей социального существования), степень социальной активности и социальной адаптации к меняющимся условиям социальной среды, а в качестве индикаторов социального самочувствия выделяет самооценку статуса, субъективные оценки экономического и финансового положения, собственных жилищных условий, потребительские предпочтения и политические ориентации². По результатам большинства исследований социального самочувствия молодежи выявлена его структурная неоднородность и значительные различия в зависимости от гендерной, возрастной, социально-профессиональной, территориальной ее принадлежности и других характеристик, превалирование оптимистических оценок своего социального состояния и социальных ожиданий будущего³.

В данной статье рассмотрим, каковы уровень и динамика социального самочувствия сельской молодежи на примере Алтайского края как одного из агропромышленных регионов России, имеющего высокие показатели миграционных настроений⁴. В первую очередь из-за миграции численность молодежи

¹ Соян Ш.Ч., Севек Р.М. Социальное самочувствие молодежи Республики Тыва // Социологические исследования. – 2016. – № 9. – С. 141-144.

² Карамельский Р.В. Социальное самочувствие российского студенчества (региональный аспект): автореф. дисс. ... к. соц. н. Казань, 2012. – 20 с.

³ Галич Л.П. Социальное самочувствие молодежи. – Минск: Право и экономика, 2012. – 160 с.; Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 50-55; Карамельский Р.В. Социальное самочувствие российского студенчества (региональный аспект): автореф. дисс. ... к. соц. н. Казань, 2012. – 20 с.; Соян Ш.Ч., Севек Р.М. Социальное самочувствие молодежи Республики Тыва // Социологические исследования. – 2016. – № 9. – С. 141-144.

⁴ См., например: Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: Азбука, 2014. – 330 с.; Сергиенко А.М., Иванова О.А. Миграция сельской молодежи как индикатор

в крае сократилась в 1,7 раза, тогда как в России – в 1,2 раза. Качественным изменением является уменьшение доли молодежи в сельском населении трудоспособного возраста Алтайского края с трети до четверти.

Не претендуя на комплексность анализа социального самочувствия сельской молодежи, рассмотрим его отдельные ключевые характеристики, в том числе показатели социально-психологического состояния, удовлетворенности отдельными сторонами жизни и уверенности в ближайшем будущем. Кроме того, учитывая аффективную, когнитивную и конативную составляющие феномена социального самочувствия, попытаемся оценить, как оно связано с другими социально-демографическими и социально-экономическими характеристиками сельской молодежи, а также какова сила влияния изменений социального самочувствия сельской молодежи на миграционные установки. Результаты исследования основаны главным образом на данных серии выборочных опросов сельского населения, в том числе молодежи, проведенных в Алтайском крае сотрудниками Института экономики и организации промышленного производства СО РАН и факультета социологии Алтайского госуниверситета с начала 2000-х гг.¹.

Структура и динамика социального самочувствия сельской молодежи. По результатам социологического опроса в 2016 г. среди сельской молодежи самую большую группу опрошенных (40%) образовали те, кто *уверен в настоящем, с оптимизмом смотрит в будущее*, названные нами «уверенными оптимистами» (рис. 11.6). Менее трети (29%) составили те, кто *испытывает некоторое беспокойство, неуверенность в своем будущем и будущем своих детей* («обеспокоенные»). Вместе с тем каждый восьмой (13%) *ощущал на момент опроса сильное напряжение, отсутствие какой-либо перспективы, находился «на грани нервного срыва»* («напряженные»), и чуть больше (17%) было

благополучия села // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. – Вып. 8: в 2 ч. / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. – Ч. 2. – С. 21-26; Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: монография / науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. – 330 с.

¹ См. там же.

равнодушных, испытывающих апатию ко всему («равнодушные»). Причем среди «оптимистов» значительно чаще встречается молодежь с высшим (законченным и незаконченным) образованием, самозанятые и предприниматели, студенты и учащиеся, наиболее обеспеченные в материальном отношении, холостые (незамужние), среди «равнодушных» – безработные, среди «напряженных» – молодые селяне с низким образованием (ниже среднего общего, 9 классов), наиболее бедные, разведенные и вдовы.

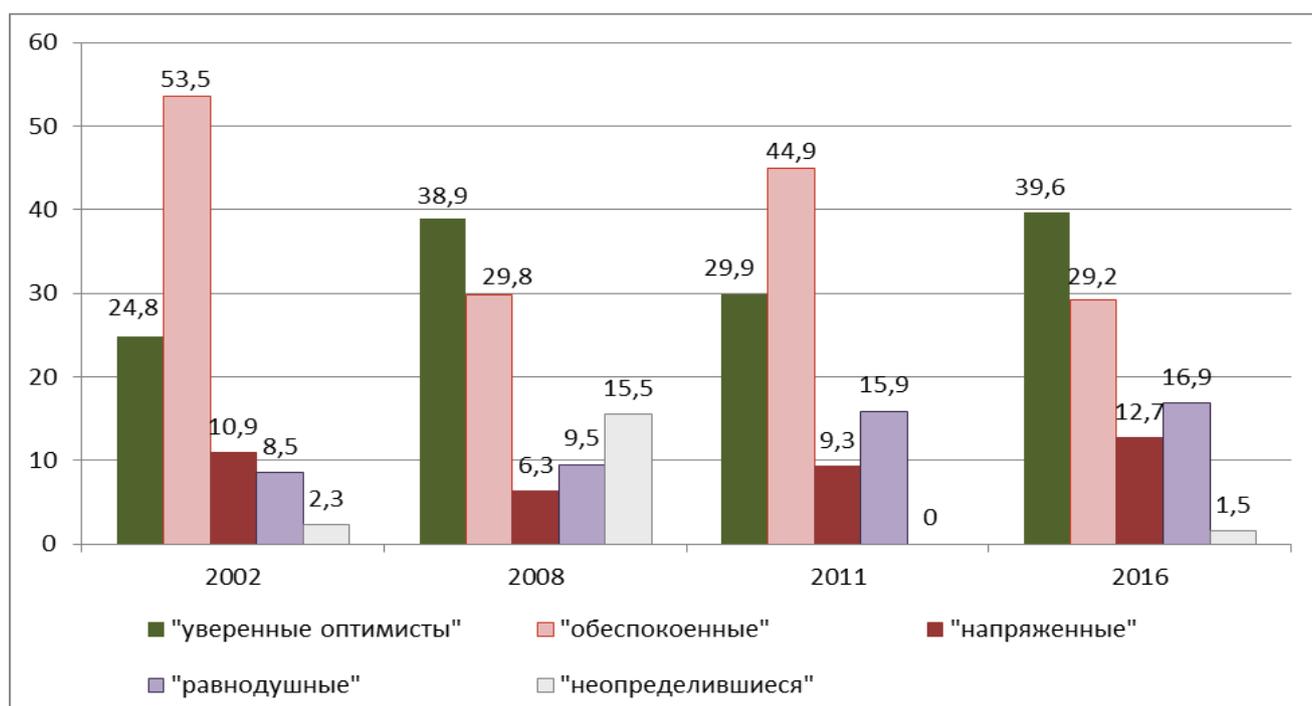

Рис. 11.6. Оценка сельской молодежью своего социально-психологического состояния в 2002, 2008, 2011 и 2016 гг., % опрошенных
(«Как бы Вы описали свое состояние, ощущения в последнее время?»)

Анализ динамики данного показателя за период с начала 2000-х гг. в целом свидетельствует об улучшении социального самочувствия сельской молодежи: с 2002 по 2016 гг. в полтора с лишним раза больше стало «уверенных оптимистов», в 1,8 раза меньше – «обеспокоенных» (рис. 11.6). Но при этом немного (менее чем на 2 п.п.) увеличилась доля «напряженных» и в два раза вы-

росла доля «равнодушных», что, безусловно, не является благоприятным процессом для развития сельских сообществ, поскольку такое состояние вызывается довольно часто, по мнению социальных психологов, невозможностью что-либо изменить к лучшему и может рассматриваться как другой вариант проявления низкого градуса социального самочувствия, наряду с «крайним напряжением».

Наиболее позитивный набор характеристик социального самочувствия молодых селян зафиксирован нами в 2008 г., в последний год экономического роста в крае накануне глобального экономического кризиса, когда не только «оптимизма» было почти столько же, как и в настоящее время (39%), но и «обеспокоенность и неуверенность», «равнодушие» и «напряженность» были на минимальной отметке или близкой к ней (30, 6 и 9,5% соответственно). Хотя справедливости ради надо отметить, что в тот год мы наблюдали и самый высокий уровень неопределенности в оценках сельской молодежи (15,5% затруднившихся с ответом).

Следствием воздействия кризисных явлений в экономике и накопления влияния других общественных процессов (предположим, к последним, скорее всего, можно отнести развитие потребительских ценностей в обществе в ущерб ценностям традиционного сельского образа жизни) в 2011 г. наблюдалась стагнация всех составляющих социально-психологического состояния сельской молодежи. За последующие пять лет, летом 2016 г., после всплеска последнего экономического кризиса (с конца 2014 г.) улучшились лишь две характеристики социального самочувствия молодых селян: вырос «оптимизм» и снизилась «обеспокоенность», но вместе с тем продолжали расти «равнодушие» и «напряженность», достигнув своего максимума с начала «нулевых».

По опросу 2017 г., доля «уверенных оптимистов» среди сельской молодежи составила около 40%, то есть масштабы оптимизма сохранились на уровне 2016 г. (рис. 11.6). Каждый третий в 2017 г. испытывал некоторое беспокойство, неуверенность в будущем (это лишь немногим больше, чем в 2016 г.). В то же время в состоянии равнодушия, апатии находилось 11% мо-

лодых селян, что заметно меньше, чем в 2016 г. (17%), почти на уровне 2008 г. (10%). Сильное напряжение, ощущение отсутствия какой-либо перспективы испытывало около 9% опрошенной сельской молодежи, что также заметно меньше, чем в 2016 г. (13%), на уровне 2011 г. Выросла доля затруднившихся оценить свое социальное самочувствие (8%). Следовательно, в целом можно говорить о некоторых позитивных изменениях в социальном самочувствии сельской молодежи в последнее время.

Оценки социального состояния сельской молодежи значительно более позитивны в сравнении с сельскими жителями более старшего возраста. Так, в 2011 г. «оптимизма» у молодежи было в 2,5 раза больше (30% против 12%) при значительно меньших масштабах «напряженности» (в 1,7 раза, 9% против 16%) и несколько меньших долях «равнодушия» (16% против 18%) и «некоторой обеспокоенности, неуверенности в будущем» (45% против 54%). Причем в сравнении с началом 2000-х различия в социальном самочувствии между двумя рассматриваемыми группами существенно выросли по оценкам «оптимизма» (с 1,7 раза до 2,5) и «напряженности» (с 1,2 раза до 1,7), т.е. с начала «нулевых» среди сельской молодежи в сравнении с другими взрослыми сельскими жителями становится еще больше «уверенных оптимистов» и еще меньше «напряженных».

Другими проявлениями социального самочувствия сельской молодежи являются показатели удовлетворенности различными сторонами жизнедеятельности и социальных ожиданий. В 2016 г. большинство представителей сельской молодежи было не удовлетворено (соответствует оценкам «1» и «2» по нарастающей пятибалльной шкале удовлетворенности от «совершенно не удовлетворен» до «полностью удовлетворен») своим материальным положением (58%), более трети (35% ответивших) – работой, каждый пятый – жилищными условиями, более 15% – ситуацией в своем селе и менее 8% – жизнью в целом. Соответственно, напротив, среди молодых селян зафиксировано 28,5% удовлетворенных («4» и «5» по шкале удовлетворенности) жилищными условиями, 24% – своей работой, 12% – ситуацией в сельском населенном пункте и лишь 2% –

материальным положением при 44% удовлетворенных жизнью в целом. В отношении ближайшего будущего в жизни своей семьи позитивные оценки сельской молодежи в 2016 г. значительно перевешивали негативные: более пятой части респондентов (21%) были уверены в том, что в следующие год-два их семьи будут жить лучше, и только 13,5% прогнозировали ухудшение ситуации в этом отношении; основная же часть (42%) не ожидала существенных перемен (остальные затруднились оценить). Сельская молодежь намного более оптимистична в своих оценках ближайшего будущего семьи в сравнении с селянами более старшего возраста. Например, в 2011 г. лучшего будущего ожидали более трети молодежи и только десятая часть представителей более старшей возрастной группы селян, а ухудшения положения – менее 5 и 11% представителей соответствующих групп.

По опросу 2017 г. получены самые высокие оценки удовлетворенности жизнью в целом (3,9 балла из 5 возможных), жилищными и бытовыми условиями (по 3,7 балла), самые низкие – ситуацией в населенном пункте и крае в целом (по 2,7 балла). Оценки удовлетворенности материальным положением и работой в 2017 г. заняли срединную позицию (по 3,1 балла), тогда как ранее оказывались «в хвосте».

Полученные нами результаты удовлетворенности сельской молодежи соответствуют в целом по диспозиции и трендам результатам выборочных опросов населения Алтайского края, проведенных О.Н. Колесниковой, В.А. Артюхиной и Т.В. Чукановой в 2010 и 2014 гг.¹. В результате этих исследований выявлено растущее доминирование положительных оценок удовлетворенности жизнью: в 2014 г. 54% жителей края на момент опроса были удовлетворены своей жизнью и 27% – не удовлетворены (при менее 5% крайне неудовлетворенных), тогда как в 2010 г., еще сохраняющем проявления глобального эконо-

¹ Колесникова О.Н., Артюхина В.А., Чуканова Т.В. Социальное самочувствие как интегральная характеристика жизнедеятельности населения региона: результаты мониторингового исследования // Вестник алтайской науки. – 2014. – № 1. – С. 115-120; Колесникова О.Н. Социальное самочувствие, благополучие и безопасность человека: основные элементы взаимодействия // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей / под ред. О.Н. Колесниковой. – Вып. 6. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. – С. 20-26.

мического кризиса, – 47% удовлетворенных и 34% неудовлетворенных. Кроме того, выявлена относительная стабильность в оценках уверенности жителей края в своем будущем (в 2014 г. 40% уверенных против 22% неуверенных при близких оценках в 2010 г.). Причем 35% опрошенных оптимистично оценивали будущие изменения в жизни своей семьи и 6% ожидали ухудшение.

Социальное самочувствие сельской молодежи как фактор миграционных установок. Социальное самочувствие в значительной степени определяет миграционные установки и, в конечном счете, реальное миграционное поведение сельской молодежи. По результатам опросов, «уверенные оптимисты» несколько чаще представителей других групп, различающихся своим социально-психологическим состоянием, желают остаться жить в своем селе, но если планируют, то это связывается чаще с выездом из Алтайского края в другие регионы страны или даже в другие страны. Так, в 2017 г. представители группы «оптимистов» были более настроены не уезжать из своего села (44%, на 6-10% больше, чем среди других групп), причем в сравнении с 2008 г. доля желающих остаться даже немного увеличилась (табл. 11.1). Вместе с тем треть «оптимистов», в той же мере, как и «обеспокоенные», планировали переезд в города края (против 17-19% в других группах). «Напряженные» опережают молодежь из других групп по масштабам миграционных установок из села без ресурсной обеспеченности: в 2017 г. 16% таковых хотели бы уехать из своего села, но не имели для этого необходимых средств (против 2-9% в других группах). «Равнодушные» чаще планировали переехать не только в другие села, но и в другие регионы, другие страны (9, 15 и 6%).

* * *

Таким образом, анализ структуры и динамики социального самочувствия сельской молодежи позволил сделать выводы о противоречивости и неоднозначности в их оценке. *Во-первых*, относительно высоким, в сравнении с более старшими по возрасту группами сельского населения, является

уровень «уверенного оптимизма» (40% в 2016 и 2017 гг.) сельской молодежи в своем настоящем и будущем (впрочем, как показывают результаты многочисленных исследований российских и зарубежных ученых, характерный для молодежи в целом).

Таблица 11.1

Миграционные установки сельской молодежи по группам, различающимся социально-психологическим состоянием в 2017 г., % ко всем опрошенным в данной группе

	Не хотят уезжать из своего села	Хотят, нет возможности (денег на переезд и др.)	Планируют уехать:			
			в города Алтайского края	в другие села Алтайского края	в другие регионы России	в другие страны
Всего, в т.ч.:	37,5	5,6	29,8	3,3	10,7	2,6
«уверенные оптимисты» (уверены в настоящем и будущем)	43,7	1,8	32,9	2,4	7,8	1,8
«обеспокоенные» (испытывают беспокойство, неуверенность в будущем)	29,3	7,1	32,1	3,6	11,4	2,9
«напряженные» (испытывают сильное напряжение, раздражение)	32,4	16,2	18,9	2,7	13,5	0,0
«равнодушные» (в состоянии равнодушия и апатии)	38,3	8,5	17,0	8,5	14,9	6,4

Наиболее мощными социальными лифтами для развития «оптимизма» сельской молодежи являются образование и занятость (прежде всего самозанятость и предпринимательство). Вместе с тем такие масштабы «оптимизма» не позволяют позитивно оценивать всю структуру социально-психологического состояния сельской молодежи: довольно значимой (13% в 2016 и 9% 2017 гг.) остается совокупная доля «напряженных» (испытывающих сильное напряжение, раздражение) и «равнодушных» (находящихся в состоянии равнодушия и апатии, 17% в 2016 г. и 11% в 2017 г.), что может стать тормозом активных процессов социально-экономического преобразования сельских сообществ.

Во-вторых, противоречивость и неоднозначность в оценке структуры социального самочувствия сельской молодежи проявляется также в том, что оптимизм сельской молодежи локализуется в парадоксальном сочетании относительно низких параметров их удовлетворенности отдельными сторонами своей жизни (от 2% по удовлетворенности своим материальным положением до 29% по удовлетворенности работой в 2016 г., по 3,1 балла из 5 возможных в 2017 г.) при заметно более высокой оценке удовлетворенностью жизнью в целом (44%, около 4 баллов из 5 в 2017 г.), а также в превалировании позитивных социальных ожиданий ближайшего будущего.

В-третьих, в целом позитивная динамика социального самочувствия сельской молодежи с начала 2000-х гг. проявляется в полуторакратном росте «уверенного оптимизма» при почти двукратном сокращении «обеспокоенности и неуверенности в будущем». Тревогу у общественности и власти должно было вызвать сокращение масштабов позитивных социальных ожиданий ближайшего будущего и двукратный рост «равнодушия и апатии» сельской молодежи, довольно ярко выраженные в кризисном 2016 г. Вместе с тем необходимо отметить, что в 2017 г., более благополучном в экономическом отношении, наблюдалось явное сокращение «напряженности» и «равнодушия» в молодежной среде сельских территорий края.

В-четвертых, улучшение социального самочувствия тесно связано с сокращением миграционных установок сельской молодежи. Почву для роста миграционных настроений в большей степени формируют «обеспокоенность» и «напряженность», тогда как именно «оптимисты», имеющие меньший потенциал миграции, могут образовать воспроизводственную основу сельских сообществ, стать базовым социальным ресурсом модернизации их экономики и социальной сферы. Одним из направлений улучшения социального самочувствия и, как следствие, сокращения миграции сельской молодежи является модернизация «социальных лифтов», направленных на закрепление их проживания на селе, и совершенствование системы их социальной поддержки силами государства и самих сельских сообществ.